

Ли Чуань с трудом разомкнул веки. Перед глазами царил непроглядная тьма, а воздух был пропитан тошнотворным смрадом. Смесь запахов сырой земли, крови и нечистот ударила в нос.

С тех пор как он, движимый лишь собственным желанием, в одночасье погубил всех небожителей, вознесся и взошел на трон Небесного Императора, он уже давно забыл, каково это — вдыхать подобное зловоние.

Неужели... это сон?

Подумав об этом, Ли Чуань невольно усмехнулся. Боги не видят снов. Если только... это не вещий сон. Но даже для пророческого видения всё происходящее казалось пугающе реальным.

В этом темном и промозглом месте на нем была лишь тонкая нижняя рубаша. Руки и ноги, казалось, сковало льдом, холод пробирал до самых костей. Ли Чуань попытался заблокировать свои чувства, отгородиться от окружающей среды, но как бы он ни концентрировал волю, тело не согревалось, тошнотворный запах никуда не исчезал, а вокруг по-прежнему оставалась лишь тьма.

Неужели?

Дрожащими руками Ли Чуань поднял ладони к лицу. Лишь когда ледяные пальцы коснулись щек, он осознал страшное: он ослеп.

Как же так...

Его магические силы, само божественное сознание — всё исчезло. Если это действительно вещий сон, то его судьба уготована до ужаса печальная.

Ли Чуань на ощупь нашел стену и, опираясь на неё, с трудом поднялся на ноги. Руки стали его глазами, исследующими пространство. Крохотная каморка. Две стены были глухими, а две другие состояли из деревянных прутьев, между которыми едва проходила рука. В одном месте пальцы наткнулись на холодный металл — это был звук тяжелой цепи.

Судя по сырости и спертому воздуху, он находился в темнице.

Хоть это было совсем не то место, где стоило улыбаться, а состояние тела оставляло желать лучшего, на губах Ли Чуаня все же промелькнула слабая усмешка. Можно ли назвать это ностальгией?

— Ли Юань.

Ледяной голос, раздавшийся из темноты, заставил улыбку Ли Чуаня застыть. Он невольно

обернулся на звук, совсем забыв, что ничего не видит. Ограниченное восприятие позволяло лишь улавливать шорох сухой травы под чьими-то шагами: звук приближался, незнакомец шел прямо к нему.

— Не смей произносить это имя!

За десять тысяч лет правления Небесным Миром Ли Чуань привык отдавать приказы. В его голосе прорезались гнев и досада. Неизвестно, то ли от холода, то ли от задетой душевной раны, его сжатые кулаки мелко дрожали.

Человек напротив издал насмешливый смешок, не прекращая движения. Из-за отсутствия магии и духовного зрения Ли Чуань не мог определить, к какому миру принадлежит пришедший. Но даже так он не стал прятаться. Хотя он не видел ни противника, ни его взгляда, он продолжал смотреть прямо перед собой, стараясь держаться как можно увереннее.

Наконец, шаги стихли прямо перед ним. Незнакомец остановился так близко, что Ли Чуань почувствовал тепло его дыхания. Для продрогшего до костей пленника это тепло было почти притягательным.

Впрочем, единственный источник жара не стал приближаться дальше. Человек снова насмешливо хмыкнул и отступил на несколько шагов назад.

— Имя? — презрительно бросил он, и в его ледяном голосе зазвучала издевка, словно он хотел заставить Ли Чуаня вспомнить. — Говоришь так, будто оно тебе чужое. Достойное поведение для того, кто владеет тремя мирами и отринул все чувства ради безразличия.

Он помолчал, а затем добавил глухим голосом:

— Почему ты так открещиваешься от собственного имени?

На слове имя незнакомец намеренно замедлил речь и сделал акцент. В ту же секунду Ли Чуаня будто ударили молотом в грудь. Дыхание перехватило, и даже вонь тюремной камеры на мгновение перестала существовать.

Ли Чуань нахмурился и снова отрезал властным тоном:

— Дерзость! Это не мое имя, не смей его упоминать!

Внезапно с огромной силой его толкнули в спину, впечатав в деревянную решетку. От удара прутья треснули. Боль пронзила тело, став острой и невыносимой. Почти инстинктивно, ради сохранения остатков достоинства, Ли Чуань лишь поморщился, не издав ни звука.

Не услышав стога, человек напротив, казалось, остался недоволен. Он схватил Ли Чуаня за воротник, с силой швырнул на устланный сухой травой пол, а затем, словно брезгуя прикосновением, принялся отряхивать руки.

— Похоже, ты еще не понял, в каком положении находишься, раз смеешь так со мной разговаривать.

Незнакомец не дал ему передышки. В его ледяном тоне сквозили лишь насмешка и презрение. Ли Чуань, преодолевая боль, из последних сил попытался приподняться на руках, но те предательски дрожали.

Одно лишь осознание собственного унижения было готово раздавить его. А в сочетании с холодом и болью, которых он не знал тысячи лет, беспомощность накрыла его с головой. Вещий сон означал predetermined будущее, которое не под силу изменить даже богам. Но хотя бы... он хотел понять, почему оказался в такой ситуации.

— Что случилось с моими глазами?

Он потерял магию, это верно, но, моргая, чувствовал, что глаза целы и не повреждены острым предметом. Ли Чуань пытался говорить спокойно, но дрожащий голос выдавал его с головой, несмотря на все попытки казаться невозмутимым.

— О? — удивился собеседник, и в его голосе проскользнула нотка одобрения. — Даже сейчас ты любишь отвечать вопросом на вопрос. Эта бесполезная упрямость — воистину твой самый жалкий недостаток.

— Меньше слов! — оборвал его Ли Чуань, с трудом переводя дыхание.

— Ладно, так и быть, скажу.

Человек подошел ближе, присел на корточки, выдохнул и с улыбкой победителя произнес:

— Это я тебя ослепил.

— Что...!

— Этот ответ... тебя устраивает?

В его голосе сквозило высокомерие. Ли Чуань закрыл незрячие глаза, тяжело вздохнул, принимая сказанное, и вновь открыл их:

— Где Ин Хуай и Юнь Жэнь?

— О, эти двое? — голос незнакомца похолодел, в нем не осталось ни капли участия. — Они мертвы.

— Ты... зачем ты это сделал! — в голосе Ли Чуаня прозвучало не только изумление, но и растерянность. После известия о гибели Ин Хуая и Юнь Жэня его воля, которую он так отчаянно пытался сохранить, дрогнула.

Человек поднялся на ноги и, глядя на него сверху вниз, ледяным тоном добавил:

— Зачем я это сделал? Ты ведь и сам прекрасно знаешь, не так ли?

— ...

Ли Чуань бессознательно сжал кулаки. Сухая трава впилась в ладони, торча между костлявыми пальцами.

— Впрочем, у нас впереди еще много времени. Можешь остаться здесь и хорошенько подумать.

Словно желая напоследок вызвать отвращение и заставить его запомнить этот момент, человек с издевкой бросил:

— Ли Юань.

Как только он произнес это имя, вокруг снова воцарилась тишина и непроглядная тьма. Слышно было лишь собственное сбивчивое дыхание.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем Ли Чуань пришел в себя, прислонившись к ледяной стене.

Ли Юань.

Это чужое, забытое имя, которое он сам когда-то отринул и не желал вспоминать. Если бы никто не напомнил, он бы уже давно забыл о нем. Но...

Все, кто знал это имя, ведь уже мертвы, не так ли? Почему... почему оно прозвучало снова?

— М-м...!

Рядом послышался приглушенный стон. Ли Чуань вздрогнул и проснулся. Лицо его было бледным. Он огляделся: рядом спал мальчик.

Ребенок хмурился, дыхание его было неровным, а из уголка глаза скатилась слеза — очевидно, ему снился кошмар. Ли Чуань с тревогой проверил свою силу и, убедившись, что магия при нем, облегченно выдохнул. Он протянул руку и направил поток духовной энергии в лоб мальчика.

Выражение лица ребенка мгновенно разгладилось. Вскоре он открыл заспанные глаза, сел и протер их кулачками. Даже с остатками слез на ресницах, увидев нежный взгляд Ли Чуаня, мальчик тут же расплылся в улыбке.

— Цзюмин, тебе снова приснился кошмар? — ласково спросил Ли Чуань.

— Угу... — Сюань Цзюмин всхлипнул и кивнул. Вспомнив что-то из сна, он радостно добавил: — Мне снова снились те два старших брата из того дня! Они были так добры ко мне, всегда нежно звали меня Сяо Цзю, покупали мне красивые одежды и вкусности!

— Но... — улыбка на лице мальчика мгновенно сменилась грустью. — Я никак не могу вспомнить, кто они такие.

Сюань Цзюмин поднял голову и с искренней надеждой посмотрел на Ли Чуаня:

— Брат Ли Чуань, это ведь был не сон, правда?

<http://bllate.org/book/18809/1829616>